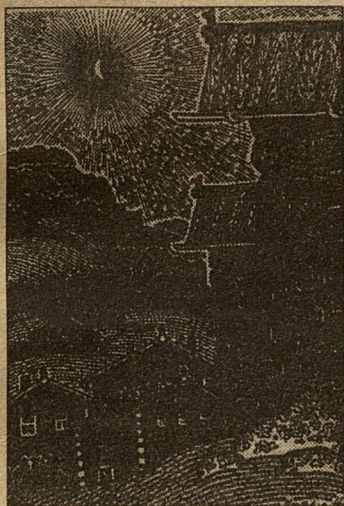

Моск. правда - 1996 - 11 дек - с. 4

Вижу тебя, Инония...

В вестибюле театра «Геликон-опера» (Б. Никитская, 19) открыта выставка живописи Николая Недбайло, художника с нелегкой судьбой, «шестидесятника» и «смогиста». В феврале 1965 г. его картины были фоном для первого выступления поэтов-«смогистов» («самых молодых гениев») в библиотеке имени Фурманова на Беговой, а в марте 1966 г. Недбайло, подобно Иосифу Бродскому, был отправлен в ссылку как «тунеядец». Только за процессом ленинградского поэта следила вся страна, да и общественность других стран, а в Москве все было глухо, как в ящике. «В тюремном ларьке я узнал, почем фунт лиха, - вспоминает художник. - Но и там, в ссылке, я не сломался и не обзавелся. Напротив, получив от матушки долгожданную посылку с кистями и красками, яростно кинулся на штурм бастиона «Бессмертие»... Друзья радовались, получая мои бандероли с рисунками...» А потом были оправдание и возвращение в белокаменную, выставки (около 250), конкурсы и т. д. И сегодня то же: работа - ежедневная, истовая, без выходных.

Картины Недбайло трудно

поддаются классификации: это не лубок, не наивное искусство, не примитив, ибо нарисованы не домохозяйкой или парикмахером, а профессиональным художником. Это скорее всего намеренная стилизация под примитив: большие, аккуратно раскрашенные картинки - яркие, чистые краски; четко обведенные контуры предметов. Это как песни Окуджавы «под городской романс». Можно сказать так: это и есть тот самый романс, только в красках.

А о чем может быть романс? О тюрьме и свободе - он отыгран художником в цикле «Дневник рецидивиста». О дальних, сказочных странах, «где нет зимы, / Где все, как мы, / Не знают боли сильнее и глубже сердечных ран» (для молодежи: это слова танго из знаменитого некогда фильма «Петер»). Для Недбайло таким райским местом является русская деревня. Не современная, с ее скрежещущими проблемами, и не колхозная, а что-то вроде есенинской Инонии - с уютными домиками, с беленькими церквушками, с трудом в охотку

на полях и в огороде, со смешными рыбаками, с кроткими отроками и девушками, влюбленными друг в друга. Фигуры людей у Недбайло слегка приземисты, движения их нарочито неуклюжи, но и старых, и молодых, и зверье при них отличаются глаза - миндалевидные, с огромными зрачками, как на древнегипетских фресках. Глаза эти очень добрые и глядят с любопытством на лепящиеся на холмах избы, на пронзительные зелено-желтые закаты, принесенные, как сказал один из поклонников художника, в русскую деревню из бананово-лимонного Сингапура. Но в этой деревне нет ни «сникерсов», ни «мальборо», она - вне времени.

И все-таки какая-то печаль есть в этих полотнах. Думаю, ключ - в одной из картин, изображающей счастливую семью во дворе дома - пилат, рубят, моют, стряпают. А на запястье у самого бойкого и веселого - весточка «оттуда»: накладка - «Не забуду мать родную»...

На снимках: графика Н. Недбайло.